

Хулиганы, конечно, не знали о «психических проблемах» Е Юйфана. Хотя он сам не скрывал этого специально, Цзян Бин понимал, что чем меньше людей об этом знает, тем лучше. Сам он не придавал этому значения, но кто знает, как отреагируют его друзья — возможно, они начнут относиться к Е Юйфану с предубеждением или, того хуже, ненароком заденут его самолюбие.

Когда Жуй Бэйнянь в четвертый раз преградил им путь, Е Юйфан больше не смог сдерживаться. Его слегка раздраженное выражение лица сменилось, и в глазах мелькнула искорка хитрости:

— Доктор Жуй, так мы только время теряем. Давайте найдем место и все обсудим.

Жуй Бэйнянь мгновенно просиял. Трое направились в ближайшую чайную, и Е Юйфан решил войти один. Цзян Бин с тревогой спросил:

— Все в порядке?

— Ничего страшного, — ответил Е Юйфан.

Цзян Бин нахмурился:

— Я буду ждать у входа. Если он начнет тебя доставать, просто позови.

Е Юйфан рассмеялся:

— Хорошо, я быстро закончу.

Жуй Бэйнянь был человеком щедрым и знал толк в удовольствиях. Он без раздумий заказал чай за сотню юаней. Устроившись поудобнее, он скромно произнес:

— Сяо Юй, я подумал и понял, что в тот день действительно был неосторожен в своих словах. Прошу прощения.

Е Юйфан отметил про себя его способность признавать ошибки, но внешне остался невозмутимым:

— Мы с вами не родственники, и даже если вы сказали что-то странное, мне нет смысла на это обращать внимание. Но я хочу кое-что прояснить: сегодняшний разговор — последний. Давайте выскажем все, что нужно, и после этого, пожалуйста, больше не беспокойте меня.

— Хе-хе, Сяо Юй, — Жуй Бэйнянь попытался найти обходной путь, — вы не должны так сопротивляться. Я психолог, и даже если не говорить о лечении, просто поговорить со мной может быть полезно.

— Вы согласны? — Е Юйфан оставался непреклонным, его взгляд говорил: «Если не согласитесь, я не буду сотрудничать».

Жуй Бэйнянь задумался:

— Ваша проблема не решается за один раз.

— Вы считаете, что у меня есть проблема? — Е Юйфан усмехнулся. — Мне кажется, проблема скорее у вас.

Жуй Бэйнянь вздрогнул и с горькой улыбкой признал:

— Вы правы. Незаметно для себя я сам оказался втянут в эту проблему.

— Решайте, — сказал Е Юйфан.

— Я согласен, — ответил Жуй Бэйнянь.

— Поклянитесь, что сегодняшний разговор не выйдет за пределы этой комнаты, — потребовал Е Юйфан.

Жуй Бэйнянь поднял два пальца к небу:

— Клянусь. Но, — он сделал паузу, — как я могу быть уверен, что вы говорите правду?

Е Юйфан на мгновение задумался, затем снова обрел спокойствие:

— Если я заставил вас поклясться, зачем мне вас обманывать? Правда мне не принесет никакой выгоды. К тому же, вы же эксперт в психологии. Разве вы не можете определить, говорю ли я правду?

— Ладно, — Жуй Бэйнянь сдался и задал первый вопрос:

— Можете ли вы сказать, что вы — это сам Е Юйфан?

Е Юйфан улыбнулся:

— Да, а кем еще я могу быть?

Жуй Бэйнянь продолжил:

— Когда я вас гипнотизировал, вы сказали, что вас зовут Ся Сяочуань, и что вы умерли в 1984 году.

Е Юйфан кивнул:

— Я помню это.

Жуй Бэйнянь:

— Вы знаете этого человека, Ся Сяочуаня?

Е Юйфан:

— Да. Тогда, под вашим гипнозом, у меня случился нервный срыв, и я не смог вспомнить. Позже я вспомнил, что дедушка рассказывал мне о художнике по имени Ся Сяочуань. Его жизнь была трагичной, и он умер молодым.

— Ваш дедушка? — Жуй Бэйнянь оживился. Это была новая информация, о которой он раньше не знал.

Е Юйфан, однако, добавил:

— Он уже умер.

Жуй Бэйнянь выразил соболезнования и попытался выведать больше о дедушке Е Юйфана, но тот ничего не мог рассказать. Даже история о художнике была упомянута лишь вскользь:

— Он не был известной личностью, и прошло уже слишком много времени, так что я не помню деталей. Если уж говорить о связи со мной, то, возможно, в детстве я слишком глубоко проникся этой историей, и это привело к тому, что во время болезни я начал отождествлять себя с ним. — Е Юйфан посмотрел на Жуй Бэйняня:

— Теперь вы понимаете, что моя болезнь не возникла на пустом месте?

Жуй Бэйнянь нахмурился. Новых зацепок было слишком много, и он чувствовал, что что-то не так, но не мог сразу понять, что именно. Он продолжил:

— Вы сами понимаете, что происходит с вами?

— Да. Ваш диагноз заставил меня сомневаться в себе. В то время я постоянно делил себя на две части, верил, что в моем теле живет кто-то другой. Это причиняло мне огромную боль, и я сам начал верить, что у меня психическое заболевание. — Е Юйфан в нужный момент бросил на Жуй Бэйняня насмешливый взгляд. — Но позже я постепенно вспомнил все, что делал. Это был я сам, и никто другой. Все мои мысли и поступки я могу понять. Я заболел из-за долгого накопления психического напряжения, но моя чрезмерная уверенность заставила меня избегать истинной причины. А настоящей причиной нервного срыва стал ваш гипноз.

Услышав это, Жуй Бэйнянь на мгновение выразил сожаление, хотя было непонятно, насколько искренним оно было.

— Но вам не стоит слишком винить себя. Благодаря этой болезни я лучше понял себя. Честно говоря, сейчас я совсем не интересуюсь школьной программой. Если бы речь шла о гаокао, я бы справился сам. Сидеть по десять часов в день в одном месте — это как быть в клетке, скучно и мучительно. — Е Юйфан говорил это, небрежно играя с хрустальной чашкой на столе, наблюдая, как свет преломляется в зависимости от угла наклона. — Но сейчас я чувствую себя свободным. У меня много времени на то, что я хочу делать, и я никогда не знал, что мир за пределами класса может быть таким интересным.

Жуй Бэйнянь спросил:

— Вы решили заниматься рисованием?

— Да, так что не надо больше копать в этом. Кто поверит в то, что меня захватил дух умершего? Рисование — это мое собственное решение.

Жуй Бэйнянь:

— Во время болезни вы называли себя художником и рисовали какие-то линии. Тогда вы говорили, что это ваши воспоминания. Вы помните, что рисовали?

Е Юйфан задумался:

— Помню. Я нарисовал портрет, разделенный на 24 части, но закончил только 23.

Жуй Бэйнянь:

— Я показал ваши работы эксперту. Он сказал, что у вас зрелый подход к рисованию, и вы

видели много картин. Но, согласно информации, которую предоставили ваши родители, у вас нет никаких художественных способностей. В детстве вы получали плохие оценки по рисованию, и под гипнозом вы сами сказали, что ненавидите рисовать.

Е Юйфан:

— Я знаю. В детстве я ненавидел рисовать, потому что не мог изобразить то, что хотел. Моя рука словно не слушалась меня. Но я действительно любил смотреть на картины. В свободное время я часто ходил в книжный магазин и рассматривал альбомы с репродукциями. Мои родители об этом не знали. Они были строги и хотели, чтобы я сосредоточился на учебе. После болезни мое желание рисовать резко усилилось, и я не мог остановиться.

Жуй Бэйнянь был ошеломлен. Во время диагностики Е Юйфан не упоминал об этих мыслях, что завело всех в тупик.

Е Юйфан спросил:

— У вас еще есть вопросы?

Жуй Бэйнянь:

— Вы уверены, что сейчас на вас не влияют какие-то... странные силы?

— Нет.

— У вас нет потери памяти или симптомов шизофрении?

— Нет, — твердо ответил Е Юйфан.

Жуй Бэйнянь выглядел разочарованным, словно его надежды рухнули. Он сидел, погруженный в свои мысли.

— Вы закончили? Если вопросов больше, я пойду. Надеюсь, доктор Жуй, вы сдержите свое слово.

Жуй Бэйнянь рассеянно кивнул и снова замолчал. Этот юноша был спокоен, рационален, умен, его мысли были четкими, а речь — логичной. Он был таким же безупречным, каким они его знали с самого начала. Но Жуй Бэйнянь чувствовал, будто разговаривал с кем-то другим.

Он до сих пор не мог отбросить гипотезу о «слиянии двух душ», но ответы Е Юйфана были настолько безупречны, что не оставляли ему никакой надежды. Неужели все его усилия были напрасны? Неужели все должно закончиться здесь?

Цзян Бин вздохнул с облегчением, увидев, что Е Юйфан вышел невредимым. Он хотел спросить, о чем они говорили, но Е Юйфан опередил его:

— Поедем кататься?

— Поехали, — без лишних слов Цзян Бин схватил Е Юйфана, и они отправились в путь.

[Нет авторских примечаний]